

ПУСТОТА.
ИСПОВЕДЬ ПСИХОПАТКИ

КСЕНИЯ ВОЛКОВА

Ксения Волкова

Пустота. Исповедь психопатки

<https://litres.ru/74458649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я наконец решилась написать о себе.

Не о психопате из кино и не о несчастной девочке, которую к финалу спасут любовь и терапия. О себе: о жизни почти без чувства вины и жалости, о манипуляциях, чужих слабостях и привязанностях, которые я умею использовать. И о Пустоте, которую приходится постоянно чем-то заполнять.

Вы, возможно, не подозреваете, насколько близко могут оказаться такие люди. Они могут работать рядом, дружить с вами, жить в одной квартире и спать в одной постели. И совсем не обязательно выглядеть опасными. Контроль легко принять за заботу, давление за любовь, а рассчитанное воздействие за взаимопонимание.

Эта книга не научит ставить диагнозы. Но, возможно, поможет раньше заметить некоторые механизмы манипуляции и защитить свои границы.

Я не собираюсь доказывать, что психопатка на самом деле добрая. Это исповедь без покаяния и взгляд изнутри головы человека, который устроен иначе.

Насколько хорошо вы знаете того, кто сейчас рядом?

Содержание

Глава 1. Комната с выключенным светом	4
Глава 2. Чистое электричество: чем питается зверь	19
Глава 3. Компас без стрелки: совесть, вина, стыд и жалость	39
Глава 4. Фантомные боли: попытки починить механизм	55
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Ксения Волкова

Пустота. Исповедь психопатки

Глава 1. Комната с выключенным светом

Тринадцатого февраля две тысячи двадцать шестого года я завела телеграм-канал с дурацким названием «Мир Ксюши без Эмоций». Мне тогда было еще девятнадцать. Вернее ровно девятнадцать с половиной.

А в первых числах того же февраля я похоронила подругу. Ее убили.

Слово «подруга» мне до сих пор физически хочется взять в жирные кавычки. В дружбу я не верю — во всяком случае, в ту приторную сказку о бескорыстном самопожертвовании, которую общество привыкло продавать в мягких обложках. Но с ней всё было иначе. Мы учились на одном курсе, проводили вместе дни напролет, мотались друг к другу в гости. Я знала ее родителей, пила с ними чай на тесной кухне. Мы сблизились сразу после того, как я вернулась из Штатов и поступила в универ.

Она была идеальной домашней девочкой: светлой, правильной, доброй, категорически не умеющей делать гадости. Моя полная, абсолютная противоположность. И при этом рядом с ней мне почему-то было спокойно.

Мой человек. Моя стая. Я просто привыкла, что она есть, и хотела, чтобы она была там дальше. В какой-то момент мне даже почудилось, будто внутри у меня начинает что-то тихонько оттаивать. Дурацкое, неправильное слово, но ничего точнее я тогда не подобрала. Это не оформлялось в понятную эмоцию, которую можно аккуратно препарировать и положить на полку. Просто факт: рядом с ней привычная броня начинала слегка проседать.

А потом какая-то тварь подошла и забрала ее. Взяла и вычеркнула живого человека. Отняла моё. Распорядилась чужой жизнью и выдрала огромный кусок моей собственной. Грубо, нагло и даже не потрудившись спросить разрешения.

Вас наверняка уже передернуло от этого «моё»? Человек лежит в гробу, а циничная девица рассуждает так, будто у нее средь бела дня угнали машину.

Я отлично слышу и понимаю, как это звучит со стороны. При желании я могла бы прямо сейчас выкатить вам десяток правильных, социально одобряемых формулировок с приличной дозой скорбного сиропа, чтобы вы понимающе вздохнули и погладили меня по голове. Только на кой черт? Начинать книгу с привычного перевода своих мыслей на чужой язык занятие бессмысленное. Этой маскировкой я и без

того сыта по горло в реале.

Правда выглядела проще. Мне до судорог хотелось вернуть ее назад. И мне бешено, до скрипа в зубах хотелось уничтожить того, кто это сделал. Меня разрывало от ярости из-за того, что кто-то посмел вломиться на мою территорию и оставить после себя дыру, которую я физически не способна заделать.

Канал родился именно из этого тупого бешенства. Внутри клокотала гремучая смесь боли и агрессии, требовалось срочно слить кипящую смолу, пока она не прожгла дыру в черепе. Мне безумно хотелось кого-нибудь убить. Проблема заключалась лишь в том, что тогда я еще понятия не имела, кому именно сворачивать шею.

Первые тексты вышли соответствующими: злыми, ядовитыми, с такой температурой в топке, от которой плавятся датчики. Я перечитываю их сегодня и криво ухмыляюсь, но тогда для меня это было единственной рабочей оптикой. Я была уверена, что блог сдохнет через пару недель. Но люди неожиданно стали задерживаться. Завязались споры, полетели комментарии, черновики начали складываться в главы. То, что задумывалось как аварийный клапан для сброса пара, внезапно пустило корни и заняло прочное место в написании.

Меня зовут Ксения. Сейчас мне двадцать лет, и в моем диагнозе значатся три малоприятные буквы: ДРЛ. Диссоциальное расстройство личности. Старое, нетолерантное слово

«психопатка» вам, скорее всего, понятнее.

При этом диагнозе обывательское воображение услужливо рисует кинематографичного упыря с безумным оскалом и бензопилой наперевес, отслеживающего жертв по темным закоулкам. Картинка сочная, но идиотская. Бензопила тяжелая, воняет бензином и оставляет слишком много следов.

В жизни все куда скучнее: симпатичная студентка, хорошая одежда, ровный голос, широкий круг общения, подвешенный язык. Для абсолютного большинства знакомых я - свой в доску человек, чуть язвительный, но абсолютно нормальный. Я вложила в этот фасад тонны времени и сил. Если мы с вами случайно столкнемся за столиком в кофейне, вы наверняка сочтете меня легкой, обаятельной и чертовски интересной собеседницей. Мне даже напрягаться не придется: достаточно за пару минут прикинуть, какие блюда предпочитает ваше эго.

А теперь вернитесь на пару абзацев назад. Там черным по-русски написаны слова «боль» и «оттаивать». Канал при этом называется «Мир Ксюши без Эмоций».

Уже потираете руки? Хочется победно ткнуть пальцем в страницу: «Ага, попалась! Эмоции! Сама себе противоречит! Обычная позерка, начиталась умных книжек, придумала себе образ роковой социопатки, а внутри подростковый бунт и обычная раненая девочка»?

Знаю я этот цирк. Стоит упомянуть хотя бы одно человеческое проявление, как из всех щелей вылезают сердоболь-

ные граждане с готовым диагнозом: мол, всё с тобой в порядке, Ксюшенька, ты просто травмирована злым миром, сейчас мы тебя согреем и вылечим.

Спасибо, консилиум объявляется закрытым, можете расходиться по палатам.

Эмоции у меня есть. Кое-какой базовый комплект на складе все-таки выдали: холодную злость, азарт преследования, тупое животное удовлетворение от победы. Кайф от вдавливания педали газа в пол, когда стрелка спидометра ложится вправо. Раздражение — о, этого добра у меня хватит, чтобы затопить пару микрорайонов. Название канала не означает, что внутри меня шумит абсолютный вакуум.

Но огромного пласта того, что нормальные люди считают фундаментом личности, в моей комплектации нет.

Чувство вины? Не завезли. Жалость? Мимо. Сострадание? Ни единого грамма. Тот тихий, занудный внутренний голосок, который у вас принято величать совестью — отключен на аппаратном уровне. Любовь в ее романтическом понимании — пустой звук.

Я прекрасно знаю правильные слова. Знаю, какие физиономии полагается корчить на похоронах, а какие на свадьбах. Могу с идеальной точностью описать, что сейчас творится в чужой черепной коробке. Описать — да. Но почувствовать то же самое?

С тем же успехом можно часами читать лекции о синеве весеннего неба человеку, который родился слепым. Он вы-

зубрит длину волны, научиться к месту вворачивать изящные эпитеты и даже сдаст экзамен по оптике на «отлично». Но синего цвета он от этого так и не увидит. Я говорю исключительно о себе и своем мониторе. Выписывать коллективные справки всем носителям аналогичного диагноза я не нанималась.

С потерей подруги эта слепота сыграла скверную шутку. Я годами укладывала человеческие связи в уютную формулу: выгода, баланс, взаимный бартер, удобство. А потом человека вычеркнули из уравнения и тут формула дала сбой.

Если это была всего лишь потеря полезного инструмента, с чего бы мне неделями выть от бешенства и строчить тексты в пустой канал? Инструмент заменяем. Источник ресурса можно переподключить за пару недель. А злость не исчезала. Обратно в стройную концепцию холодного прагматизма этот факт не влезал ни под каким соусом. И вычеркнуть его из биографии только ради того, чтобы не портить портрет неуязвимого терминатора, было бы трусостью.

Только не спешите радоваться и записывать меня в свои ряды. Натягивать сову на глобус и торжественно объявлять: «вот видишь, Ксения, ты любила ее, просто боялась себе признаться!» - не надо. Мне всегда было любопытно: откуда у людей эта маниакальная тяга наклеить на любое чужое движение знакомый ярлык? Как будто если не назвать вещь словом из вашего словаря, она перестает существовать. Слово потерять близкого человека разрешается строго по утвер-

жденному ГОСТу, с заламыванием рук, слезами, соплями и полным набором сентиментальных банальностей.

В детстве меня жутко бесило, что я сломана. Другим детям, судя по всему, не требовалось специально разбираться, насколько надо обидеться, когда заплакать и каким лицом встречать подарок. У них это вылетало на автомате. Мне приходилось сидеть в засаде, сканировать чужие лица и раскладывать чужие повадки на алгоритмы.

Пара дежурных затрещин от матери и прилетевшее в спину дворовое: «Ты че, больная уродка?» быстро объяснили пользу качественной маскировки.

А позже выяснилась занятная деталь: если научиться сознательно выбирать реакцию, ты получаешь колоссальную фору. Пока нормальный человек беспомощно барахтается в собственном эмоциональном припадке, я спокойно стою на берегу и прикидываю: что именно его задело, куда тянется ниточка и как дернуть за нее так, чтобы он сплясал нужный мне танец.

Свою прошивку я трагедией не считаю. Мне искренне нравится, что я избавлена от привычки часами заниматься самоедством только потому, что некий поступок в обществе сочли некрасивым. Ошиблась? Процессор мгновенно запускает калькуляцию: цена ущерба, процент потерь, оптимальный маршрут исправления бага. Сесть на диван и сладострастно посыпать голову пеплом за то, что уже сделано? Еще чего, это чистый перерасход ресурса при нулевом КПД.

Когда морализаторы с надрывом цедят: «Тебе должно быть стыдно!», меня разбирает смех. Кому должно? Вам? Чтобы ваша хрупкая картина мира не треснула по швам? Допускаю. Но внутри моей черепной коробки от этих заклинаний не загорается ни одна лампочка.

Чужие слезы я вижу кристально четко. Понимаю повод, фиксирую сбивающееся дыхание, вижу, где человек переживает, а где выбивает из публики нужную реакцию. Иногда это забавно, иногда вызывает глухое раздражение, особенно если балаган затягивается, а зритель в первом ряду упорно требует от меня деятельного сочувствия.

Подыграть несложно. Мягкая полуулыбка, приглушенный тембр, внимательный наклон головы, пара дежурных фраз о том, как несправедлив этот мир. При этом объект может уйти от меня совершенно счастливым и уверенным, что встретил очень понимающего человека. А я с облегчением выдыхаю: цирк уехал, можно смыть грим.

Цинично? В реальной жизни это выглядит куда обаятельнее. Вы ведь видите только витрину: живой взгляд, приятный голос, выверенные жесты. Чертежи и сметы к разговору не прилагаются. Если мне зачем-то понадобится вам понравиться, я сделаю это виртуозно. Для этого совершенно не требуется испытывать к вам трепетные чувства. Достаточно понимать, чего вы панически боитесь и какую сказку о себе мечтаете услышать.

В основном я смотрю на людей сугубо утилитарно. Что с

этим объектом можно сделать? Договориться? Выкачать ресурс? Использовать как таран? Интересно скоротать вечер? Или аккуратно обойти по широкой дуге, потому что выхлоп копеечный, а шума не оберешься?

Сравнение с неигровыми персонажами в компьютерной игре здесь подходит идеально. У каждого NPC свои алгоритмы, траектория, свои реплики в диалоговом окне и свои триггеры. Я могу часами препарировать чужую психику с азартом исследователя, оставаясь абсолютно равнодушной к судьбе подопытного. Чем точнее я понимаю устройство механизма, тем шире выбор клавиш. А то, что подопытный кролик принимает холодный расчет за некую «глубокую душевную связь», исключительно его личные половые трудности.

Мне нравится чувствовать себя умнее. Нравится видеть чужой маршрут на три перекрестка вперед, пока сам пешеход свято уверен в своей непредсказуемости и свободе воли. Я смотрю на человеческую суету сверху вниз и нахожу ее чертовски нелепой. Навешивать сюда ложную скромность я не собираюсь. Высокомерия во мне вагон. А желания упаковывать его в вежливые извинения нет вовсе.

Правда, за этот спектакль приходится платить. Таскать на себе фасад сутками напролет - адски утомительная работа. Особенно в те моменты, когда внутри уже закипает глухое бешенство, а сценарий требует продолжать изображать ласковую чуткость. После таких смен мечтаешь только об од-

ном: чтобы зрители заткнулись, собрали манатки и вымелись вон. Чтобы можно было наконец расслабить лицевые мышцы, исключить контроль за интонациями и не слушать чужую муть. Иногда под вечер ловишь себя на мысли, что отпахала полноценный бенефис в провинциальном ТЮЗе, хотя со стороны — просто поболтала с однокурсниками в курилке.

Я могу быть душой компании, сыпать шутками, держать внимание зала — и при этом оставаться абсолютно, оглушительно чужой для всех присутствующих. Никакого трагизма, меня никто не выгоняет на мороз. Я сама сижу в центре круга. Но общего тока нет.

Представьте, что вы пришли на чужую шумную свадьбу абсолютно трезвым. Вокруг вас народ уже пять часов заливается водкой, падает лицом в салат, рыдает от умиления, лезет брататься и клянется друг другу в любви до гроба. А вам просто скучно. Вам хочется найти, где лежат нормальные тартелетки, и чтобы debil с микрофоном перестал орать в ухо. Вы видите их пьяный экстаз, понимаете, что для них это чистая монета, но разделить этот балаган физически не способны.

Я называю это одиночеством хищника. Звучит пафосно, спору нет, зато отлично чешет самолюбие и не содержит сопливой мольбы о снисхождении. Но если содрать красивую обертку, на столе останется простая истина: я могу жить среди людей, выстраивать с ними идеальные схемы и не полу-

чать от факта нашего взаимодействия ни капли тепла. Чужое присутствие не греет.

Потому что внутри почти всегда темно.

Мне проще представить ее как черную звуконепроницаемую комнату. В ней можно двигаться, можно производить расчеты, чертить графики и решать уравнения. Процессор пашет без сбоев. Но сколько бы формул ты ни крутил в темноте, свет в комнате от этого не загорится.

Можно часами доказывать себе, что за окном отличная погода, сессия закрыта, деньги на карте есть и поводов для грусти ноль целых, ноль десятых. В комнате ничего не изменится. И для этой тишины не нужны трагедии или похороны. Она существует сама по себе, как заводская настройка.

Иногда в этой темноте вспыхивает магний. Меня кто-то разозлил. Подвернулась сложная, почти невыполнимая задача. Включился азарт охоты. Или стрелка спидометра подползает к отметке триста, и мир перед капотом сжался в светящийся туннель.

Вот тогда рубильник щелкает. Комната озаряется яростным белым светом. Я включаюсь на полную мощность, чувствую каждый мускул и понимаю: жива, черт возьми, это кайф!

А потом цель достигнута. Сделка закрыта. Машина припаркована. Вспышка гаснет за пару секунд, дым оседает, и я снова остаюсь в крошечной тьме. Память о вчерашнем триумфе греет не лучше прошлогоднего костра: факт ты пом-

нишь, но пальцы коченеют прямо сейчас.

У этой темноты есть бесспорные плюсы. Тот эмоциональный напад, которым нормальные люди ежедневно выжигают друг другу нервы, до меня просто не долетает. Чужой виной меня не прошибешь, на слезливую жалость не поймашь. Я долго считала эту пустоту персональным титановым экзоскелетом. Отчасти считаю и сейчас.

Но называть себя неуязвимой машиной - дешевый самообман. Злость на месте. Амбиции на месте. И история, с которой началась эта глава, лучше любых манифестов доказывает: дернуть меня за живое вполне реально. Тот, кому вообще ничего не нужно от мира, сидел бы в абсолютной безопасности. Мне же от этого мира нужно слишком многое.

В том числе — банальная реакция на эти строчки. Можно сколько угодно плевать в сторону стадной потребности в одобрении, а потом обновлять страницу блога и ловить взглядом чужие комментарии. Я прекрасно вижу этот баг в своей системе. Замазывать его фальшивым безразличием я не стану, хотя придумать красивое рациональное объяснение для меня дело двух минут.

И вот с такой кривой логикой я выхожу к вам разговаривать о любви, преданности, морали и долге.

У любого вменяемого читателя тут же созреет логичный вопрос: а какого хрена? Что вообще может понимать в этих вещах человек, у которого внутри выжженное поле?

О том, как эти концепции бурлят в вашей биохимии, я

действительно знаю только по приборам. Зато я чертовски внимательно наблюдаю за тем, что вы вытворяете, прикрываясь этими красивыми знаменами. И дистанция между вашими возвышенными манифестами и реальными поступками порой оказывается настолько чудовищной, что мне становится искренне интересно: как эта шизофрения вообще удерживается в одной голове?

Меня легко заклеить бесчувственной тварью. Принято, спорить не стану. Любить так, как велят классики, я не умею. А вы? Вы-то сами — умеете?

Что конкретно вы прячете под вывеской «любви»? Где заканчивается ваше трепетное чувство и начинается наглое, хамское желание переломать близкого через колено, заставив плясать под свою дудку?

Когда я говорю: «Мне так выгодно», общество брезгливо морщится: цинизм! Когда вы с придыханием объявляете: «Я же добра тебе желаю!», спрашивать жертву о ее планах уже считается моветоном. Выдача насилия за заботу ваш коронный трюк. И мне до усрачки любопытна эта двойная бухгалтерия: пока подопытный задыхается от удушья, белое пальто благодетеля сияет первозданной чистотой.

Среди вас попадают настоящие. У меня была подруга, которую я без тени иронии считала доброй и светлой. Поэтому заявлять вот так безапелляционно, что абсолютно все кругом лицемеры и фальшивки, я не стану даже на первых страницах. Я помню ее.

Но само по себе наличие у вас тонкой душевной организации меня не впечатляет ни на грош. Мне куда интереснее смотреть, как вы используете этот ресурс. И почему вы свято уверены, что он дает вам право смотреть на меня сверху вниз. Стоя на пьедестале, конечно, безумно удобно препарировать чужие пороки. Собственная грязь под ногами оттуда не так бросается в глаза.

Я тоже намерена смотреть пристально. Иногда предвзято. Иногда сквозь зубы. Иногда с откровенным садистским удовольствием тыкая пальцем прямо в открытые переломы чужого лицемерия.

Заслуживать пропуск в клуб «хороших людей» я не планирую — мне ваша песочница даром не сдалась. И если вы открыли эту исповедь в надежде, что к финальной главе заблудшая овечка все осознает, зальется горькими слезами раскаяния и попросит у зала прощения за свой кривой чип — закройте книгу. Сдавать явки и пароли я согласна. Вымалывать отпущение грехов мне без надобности.

Но для начала придется заглянуть внутрь той самой темной комнаты.

Потому что пустота звучит поэтично ровно до тех пор, пока с ней не остаешься один на один. Когда вокруг штиль, задач нет, а реальность отказывается давать сдачи, тишина превращается в невыносимую, физическую ломку. Хочется лезть на стену. Процессору позарез нужно топливо: работа, риск, сопротивление среды, лобовое столкновение — хоть

что-нибудь, что заставит шестеренки крутиться.

Добывать искры я научилась виртуозно. Умею взвинчивать злость до состояния бронебойного снаряда, умею заваливать себя проектами так, что со стороны выгляжу титаном продуктивности с железной волей.

Вот только ни один завоеванный кубок не согревает долго. За ним немедленно требуется следующий, потом еще один, и так без конца. Можно счесть это ненасытной гордыней.

Мне же иногда просто жизненно необходимо убедиться, что этот мир вокруг вообще существует.

И за этот спектакль приходится платить по очень высокому тарифу.

Глава 2. Чистое электричество: чем питается зверь

Мой главный адреналин — скорость. Даже так: Скорость. С заглавной буквы и без лишних сантиментов.

У других людей для разгона пульса припасен секс, порошки или горы. Последнее меня всегда искренне восхищало: взрослые, вроде бы вменяемые мужики покупают за безумные деньги тонны цветного пластикового снаряжения, прут на себе неподъемные рюкзаки, рискуют околеть от отека легких или сорваться в ледниковую трещину — и все ради того, чтобы постоять на ветру и сделать селфи на каменном пупке планеты. А потом спуститься и немедленно искать гору повыше.

Мне педаль газа понятнее в разы. Когда вдавливаешь ее в коврик, мир моментально перестает притворяться пыльным музеем восковых фигур. Он вытягивается в упругие, светящиеся полосы. Разметка, вспышки мачт освещения, силуэты придорожных деревьев, все это втягивается в узкую воронку перед капотом. В такие секунды я ловлю редкое, почти физиологическое ощущение: черт возьми, я жива.

Стрелка спидометра ложится вправо. Я лечу по трассе, яростно моргаю дальним очередному неповоротливому кроссоверу, который вздумал навечно окопаться в левом ря-

ду и ползет там со скоростью похоронной процессии. Ну давай, милый, еще чуть медленнее. До полной остановки осталось всего ничего.

Они в своих консервных банках непрерывно чего-то боются: камер, писем счастья, гаишников в кустах, внезапного столба, соседей по потоку, общественного мнения, смерти и, кажется, самой педали газа. Я в эту секунду не боюсь ничего из перечисленного списка. Мне просто хорошо. Руль в пальцах, трасса впереди, а мотор откликается мгновенно и без человеческих фокусов. Нажала — получила ускорение. Качнула руль — сменила траекторию. Красота. Живые люди вокруг меня редко бывают настолько предсказуемыми и честными.

Скорость для меня - это самая чистая форма свободы. Пока машина идет на пределе, у системы нет времени на Пустоту, серую скуку, душное самоедство и прочую муть, которая неизбежно всплывает со дна, стоит миру вокруг затихнуть. Дорога требует предельной концентрации прямо сейчас. Реальность наконец перестает быть статичной заставкой на мониторе.

Я вообще не понимаю популярного обывательского мифа о том, что человек с ДРЛ обязан круглосуточно работать бесчувственным эмоциональным холодильником. Чушь собачья. Эмоции есть, просто комплектация специфическая. У большинства нормальных людей там внутри весь этот приторный сироп из привязанности, умиления, сочувствия,

любви и прочей сентиментальной ерунды. У меня там скорее чистое высоковольтное электричество. Азарт преследования, холодная злость, животный кайф от обладания, сухой щелчок победы, когда сложная схема наконец сошлась и то, чего я хотела, например, чужой ресурс, стал моим.

Вот почему я никогда не понимала альпинистов. Ну залез ты на четыре тысячи метров, хлебнул разреженного воздуха, полюбовался чужими брошенными консервными банками на леднике. Потом на пять тысяч. Потом Эверест. И что в сухом остатке? Пара гигабайт фотографий в облаке и воспоминание о том, как тебе было холодно, мокро и тяжело, но зато ты постоял на самой высокой точке планеты.

Свои вершины я предпочитаю брать в твердой валюте. Цифры на банковском счете, ключи от квартиры, новый рычаг давления, контроль над чужими обстоятельствами. Мне нравится, когда взятая высота отлично монетизируется после того, как схлынет первый хмель триумфа.

Очень разумная позиция. Почти идеальная — если вовремя зажмуриться и не вспоминать, что после ночного заезда по пустой трассе у меня тоже не остается ничего, кроме остывающих тормозных дисков и пустого бензобака. Но чужую глупость всегда безумно удобно препарировать с аптекарскими весами в руках. Для собственных закидонов поправки в чертежи вносятся автоматически.

Победа сама по себе штырит не хуже спидометра.

Сначала есть объект или задача, которой я хочу, но ко-

торая пока сопротивляется. Сам факт этого сопротивления уже начинает раздражать. Дальше включается тактический режим: разведка, метод тыка, поиск уязвимостей, обходные пути. И когда деталь наконец с глухим стуком встает в паз, по проводам пробегает тот самый разряд. Сделано. Зафиксировано. Теперь это мое.

В компьютерных играх попадают редкие артефакты, ради которых приходится часами ползти на брюхе через половину локации, матеря криворуких разработчиков. Ты ведь любишь не саму кучку цветных пикселей на дисплее. Ты ценишь то, сколько пота ушло на взлом двери, и прекрасно знаешь, какой урон это оружие наносит теперь.

С реальными задачами ровно та же математика. Чем сильнее задача упиралась и чем больше ресурса потребовала, тем слаще секунда, когда она наконец ломается под твоим давлением.

Сложная головоломка умеет засасывать меня с головой. На старте входящих данных слишком много, они путаются и кажутся сплошной кашей. Потом пальцы нащупывают первую неприметную нитку, за ней тянется вторая, информационный мусор отваливается сам собой. Еще полчаса назад ты сидела перед монитором и глухо материлась сквозь зубы, а сейчас чертеж уже кристально прозрачен. И самый восхитительный миг наступает за шаг до финала: стена еще стоит, но ты-то уже знаешь, в какую точку заложена взрывчатка.

Если схема дает сбой, я зверею. Сначала — исключительно на себя. Потому что кто-то в этой комнате только что фериически облажался, а главный подозреваемый неизменно обнаруживается прямо между моими собственными ушами. Значит, не просчитала траекторию. Поспешила. Переоценила свою гениальность.

Последнее бесит сильнее всего. Я искренне люблю считать себя самой умной особой в помещении, и получать практические доказательства того, что акция невиданной щедрости временно закрыта — удовольствие ниже среднего.

Но сидеть и по-женски жалеть себя мне тупо лень. Можно, конечно, устроить красивую трагедию на диване, вот только ошибки от слез почему-то сами не исправляются. Куда практичнее вернуться к исходным данным и методично выяснить, на каком конкретно перекрестке я свернула не туда. Когда пазл начинает собираться заново, злость перестает жечь плату и превращается в великолепное, высокооктановое топливо. На этом дизеле можно пахать сутками: встать, переделать чертеж, зайти с другого фланга и в итоге забрать свой куш.

Жаль только, что не всякая злость поставляется с заводской инструкцией по эксплуатации.

Иногда это просто тупое, бытовое раздражение. Например, когда человеку трижды на пальцах разжевали элементарный алгоритм, а он хлопает коровьими глазами и по четвертому кругу выдает тот же идиотский вопрос. В книжках

по осознанности в такие моменты рекомендуют глубоко подышать, вспомнить об уникальности каждой личности и бережно поискать другие слова. Теорию я знаю на отлично. На практике первой мыслью обычно бывает совсем не гуманизм, а желание приложить собеседника чем-нибудь тяжелым.

Мне нравится управлять обстоятельствами. Людьми тоже. Выстроить шахматную партию, расставить триггеры, аккуратно дернуть за ниточку и с безопасной дистанции наблюдать, как взрослый человек пришел именно к такому решению и сделал ровно тот выбор, который я для него спроектировала. Особенно приятно, если подопытный искренне бьет себя пяткой в грудь, доказывая, что додумался до всего сам и на него вот вообще никто не влиял.

Правда, иногда мой великий замысел разбивается о чужое тупое «нет». И это очень полезно. Действует, как холодный отрезвляющий душ. Не дает слепо уверовать в собственное всемогущество. Мания величия дама капризная, ей требуется регулярное техобслуживание, иначе она разрастается до таких масштабов, что перестает пролезать в дверные проемы. А потом может быть очень больно. Уже проверено на практике и не раз.

Главная засада в том, что интерес живет ровно столько, пока среда сопротивляется.

Как только механизм понят, все кнопки подписаны, а финал предсказан на три хода вперед, драйв мгновенно вывет-

ривается. Вчера это было дерзким штурмом, сегодня превратилось в конвейер. Польза на месте, деньги капают, навык отточен, а кайф сдох. Я уже знаю устройство этого замка. И что мне, открывать его в двадцатый раз? Ну нафиг, это уже унылая рутина, в которой азарта не больше, чем в протирании пыли на подоконнике.

Поэтому дружеский совет «Ксюша, ну займись чем-нибудь» вызывает у меня желание убивать.

Спасибо, кэп, без тебя бы не догадалась. Занять руки я могу в любую секунду: сесть за текст, пересортировать терабайты на жестком диске, отдраить кухню до хирургического блеска, накатать список из двадцати задач и потом весь день сладострастно вычеркивать строчки маркером: галочка, галочка, еще одна. Очень продуктивно. А внутри при этом продолжает свербеть все тот же серый, тоскливый зуд.

Скука у меня ощущается на физическом уровне, и тут я не преувеличиваю. Это не фигура речи для драматизма или красного словца. Это больше всего похоже на навязчивый зуд где-то глубоко под ребрами, который невозможно почесать ногтями, но очень хочется. Ты вроде бы сидишь спокойно в удобном кресле, пожара нет, пульс ровный, голова работает в штатном режиме, а внутри становится физически душно. Тишина начинает давить на перепонки, и хочется изо всех сил врезать по этой реальности кулаком, лишь бы она наконец дала сдачи или вообще хоть как-то отреагировала.

Отдых мне частенько навязывают как универсальную таб-

летку от всех болезней. Устала? Ляг, поспи. Освободился вечер? Отлично! Кайфуй, наслаждайся, расслабься уже наконец! И вот я сижу в пустой комнате, за окном вечер, дел нет и думаю, а чем же, мать вашу, я должна наслаждаться? Временем? Время, если его не утрамбовать плотными задачами, имеет отвратительное свойство превращаться в какую-то бесконечную резину.

Иногда я ловлю себя на глухой зависти к тем, кто способен плюхнуться на диван, включить фоном тупой сериал и искренне растечься по подушкам до утра. Мое тело может быть вымотано в ноль, но башка продолжает крутиться на холостых оборотах, нарезая круги в поисках добычи. Если добычи нет, уровень Пустоты начинает медленно ползти вверх без траурной музыки и театральных жестов. Просто как ледяная вода, которая бесшумно сочится через щели в полу, пока ты делаешь вид, что у тебя всего лишь промокли носки.

Когда эта черная дыра проголодается по-настоящему, шутки заканчиваются.

Скука пережигает предохранители, и наружу вылезает слепая, злая агрессия. Тот самый зверь, скребущий когтями по решетке, которому плевать на правила приличия — ему позарез нужна искра. Если не подбросить ему внешнюю задачу, он начинает с аппетитом примериваться к самой клетке.

И вот тут наступает самый скользкий момент.

Я ведь взрослый человек. Мой рациональный блок нику-

да не отключается. Я прекрасно вижу расклад: все тихо, выгодно, безопасно. Сиди на заднице ровно, пей чай и радуйся жизни. Но где-то на периферии сознания уже ворочается навязчивая, зудящая мысль: «А что будет, если прямо сейчас со всей дури ткнуть палкой в этот муравейник?».

Логика не спит. Она сидит рядом и с калькулятором в руках рисует мне будущие неприятности в высоком разрешении. Но вторая половина черепной коробки цинично отмахивается: «Плевать, потом разгребем. Зато прямо сейчас в комнате станет шумно». Будущая Ксения — удивительно терпеливая девица, на нее можно повесить тонны долгов. Плохо только то, что рано или поздно она материализуется на пороге с исполнительным листом.

Поэтому мне жизненно необходимы безопасные громоотводы.

Было бы чертовски удобно утвердить постоянный протокол: скорость, бассейн, велосипед до отказа мышц, тяжелый гитарный рифф в наушниках, стрельбище — принимать строго по расписанию при первых признаках серости. Но фокус в том, что кнопка срабатывает не всегда. Иногда проверенное развлечение оставляет тебя абсолютно холодной. А иногда знакомый чуть ли не пинками волочет меня в стрелковый клуб «Объект» за МКАДом, куда я тащилась с кислым лицом и твердой уверенностью, что это пустая трата времени. А потом берешь в руки холодный металл, ловишь сухой щелчок затвора, вдыхаешь пороховую гарь — и понимаешь:

мое. Зашло. Поди угадай заранее, какая именно клавиша отзовется звуком.

Химия и вещества в этот реестр не попадут никогда. Цена вопроса слишком идиотская: спустить в унитаз собственные мозги ради пары часов искусственного кайфа — сделка для клинических кретинов. Моя голова может подкидывать мне тонны проблем, но менять единственный надежный рабочий инструмент на мутную синтетическую иллюзию я не собираюсь. Мне важно держать руль самой. Отдать управление чужой таблетке — расписаться в собственной беспомощности.

При этом слово «люблю» я использую без всякого стеснения, отчего у доморощенных психологов в комментариях регулярно случается родительский инфаркт. «Ага! Попалась! Ты же только что вещала, что бесчувственная!». Господи, с кем приходится иметь дело...

Я люблю сочный стейк medium rare. Люблю красивую, дорогую обувь. Люблю скорость, дикую природу, незнакомые города. Мне что, каждый раз писать: «Моя центральная нервная система фиксирует положительное биохимическое подкрепление при потреблении стейка»? Человеческий язык придуман для экономии времени, а не для круглосуточного отчета перед комиссией по этике.

Путешествия действуют мягче трассы, но тоже держат на плаву.

Новая география заставляет глаза работать. Архитектура, чужие повадки, запахи местной кухни, незнакомый транс-

порт, облупленная табличка на углу, мимо которой коренной житель ходит двадцать лет и в упор ее не видит. Для меня она — новая точка на карте. Мне нравится это ощущение: пока город не превратился в привычный фон, процессор работает с аппетитом.

Стамбул в свое время зацепил именно этим. Турция оказалась куда глубже и злее, чем резервация «все включено», где наши сограждане за неделю благополучно превращаются в продолжение поролонового шезлонга. Мне нужно выйти за ворота. Свернуть в глухой переулок, посмотреть, чем пахнет за углом, поймать смесь жареных каштанов, соли Босфора и едкого дизельного выхлопа паромов. Моя глобальная цель — увидеть всю планету целиком. Посмотрим, у кого раньше кончится ресурс: у глобуса или у моего любопытства.

А в Минск я и вовсе сорвалась с наскока.

Спонтанный щелчок: душно, картинку надо менять немедленно. Билеты в зубы, дорожная сумка на плечо — и в 5:40 утра четырнадцатого июля я уже торчала на перроне Белорусского вокзала в ожидании «Ласточки».

Изначально, естественно, чесались руки рвануть на машине — для меня это привычный формат. Но в тот момент как назло приключился бензиновый кризис. Перспектива выставить по три часа в километровых очередях на АЗС ради жалких тридцати литров, а потом гадать, заглохнешь ли ты посреди смоленских лесов, меня как-то не вдохновила. Свобода свободой, а очередь на АЗС способна убить романтику

трассы быстрее любого гайшника.

До Минска на поезде около семи часов, большую часть которых я без зазрения совести подрыхла на мягком сиденье. На пути всего пара коротких остановок, Смоленск и Орша, и, к моему удивлению, никакого пограничного контроля. Вышла на перрон в чужой вроде бы стране, но при этом с полным ощущением, что просто сгоняла на выходные в Нижний Новгород или Питер. Забавное ощущение. А еще забавнее, когда вокруг все говорят на чистом русском языке, но вывески мелькают на незнакомом, но интуитивно понятном наречии, а местную мову ты слышишь разве что при объявлении остановок в метро.

С погодой просто нереально повезло. Москву в те дни заливало холодными ливнями, а Минск встретил настоящим, щедрым летом: градусов двадцать семь, сухо, небо без единой тучки. Я пошла наматывать километры по центру. Вышла к Верхнему городу: Ратуша, желтоватые фасады костелов, строгая гранитная набережная Свислочи, бьющие в зелень фонтаны. К вечеру улицы наполнились каким-то легким, неспешным гулом. Никакой столичной истерики — просто праздник, который никому ничего не навязывает. И люди показались доброжелательными.

Назавтра программа вышла классической: долгий сон, бассейн при гостинице, скрипучий ретро-автобус с экскурсией, тенистые аллеи парков, колесо обозрения, речной катер и снова километры по брусчатке. А к вечеру я добралась

до столика в «Литвинах», предусмотрительно забронированного еще со смартфона в Москве.

Хрустящие горячие драники, тяжелые колдуны, томленное мясо. И форшмак — боги, такого форшмака я не ела ни до, ни после. На пару часов вопрос о поиске высшего смысла бытия закрылся сам собой за ненадобностью.

Потом были Несвиж и Мир. Ради этих замков пришлось совершить подвиг: подорваться ни свет ни заря, чтобы успеть на туристический автобус, отходивший от ратуши ровно в 7:40 утра. Для человека, который органически презирает ранние подъемы — поступок на грани святости. Но замки того стоили. Строгая кирпичная кладка, гладь прудов, отражающая башни. По итогу я выставила поездке десять из десяти. Без скидок. Без необходимости кого-то ломать или отвоевывать свое место под солнцем. Мне просто было хорошо.

Морализатор в этом месте обязательно наморщит лоб: «Позвольте! А как же Пустота, внутренний хищник, страшный диагноз ДРЛ и прочая готика? Как все это монтируется с девицей, которая ловит кайф от замков и тарелки с драниками?».

Прекрасно монтируется, не переживайте. Отсутствие эмпатии не атрофирует вкусовые сосочки на языке и не выжигает сетчатку глаз. Мне совершенно не требуется испытывать трепетную любовь ко всему человечеству, чтобы отличить первоклассный ужин от помоев, а красивую архитектуру —

от типового спального гетто.

Природу я люблю по той же причине. В ней мне доступно состояние, которое на первый взгляд напрочь перечеркивает половину этой главы — покой.

Старые липы в сквере, темное стекло реки, горные отроги на рассвете. Природе не нужны твои аплодисменты. Ее не требуется обыгрывать в подковерных интригах. Она не выкатывает претензий к качеству твоей душевной организации. Река — потрясающий собеседник: ей глубоко плевать, социопатка ты или мать Тереза.

Это уже потом приходит двуногий предприимчивый строитель, выкорчевывает вековой массив, укатывает все в серый асфальт, а следом продает квартиры в душных человеиниках с наценкой в сорок процентов — просто потому, что из окна виден жалкий клочок уцелевшего парка. Восхитительная бизнес-модель: сначала уничтожить бесплатное, а потом торговать дефицитом. Аплодирую стоя.

Какое-то время я жила в Москве в двух шагах от отличного парка. Уходила туда при малейшей возможности. Могла часами мерить шагами гравийные дорожки или просто тупить на облупленной лавке, глядя, как кленовый лист кружится в воздухе. Никакого азарта. Никакого «жизнь бьет ключом». Просто тишина. Таких моментов у меня в жизни всегда было преступно мало, поэтому я помню каждую скамейку.

Беда лишь в том, что покой нельзя выписать по рецепту.

Нельзя сказать себе: «Так, завтра в девятнадцать ноль-ноль я свободна, выдайте мне два часа стабильного умиротворения». Система так не работает. Иногда помогает парк, иногда — ледяная вода в бассейне, сухой жар сауны, шоссейный велосипед или музыка в ушах на предельной громкости. А иногда не срабатывает ничего. Гарантийный талон забыли положить в коробку при рождении.

Хуже всего то, что абсолютно все имеет свойство приедаться. Любой новый стимул поначалу ослепляет: надо разобрать механику, нащупать баланс, научиться. Потом ты выучиваешь сценарий наизусть. Занятие не становится плохим, но заряд в нем падает до нуля. Вчерашний спасательный круг превращается в пыльный чемодан на антресолях.

С целями — та же подлость. Пока маяк впереди, он забирает тебя без остатка. Ты перекраиваешь график, режешь ненужные контакты, не спишь ночами, отсчитываешь сантиметры до финиша. Весь мир сфокусирован в одной точке. А потом — щелк. Ленточка разорвана. Награда получена.

И начинается самое мерзкое. Праздник длится ровно пять минут. Деньги на счете, ключи в кармане, статус зафиксирован. Но нельзя же сидеть на диване и третью неделю кряду слюнявить одну и ту же мысль: «Какая я молодец, как здорово вышло!». Вышло и вышло. Проехали. А дальше что? И это глухое «дальше» наступает с такой тошнотворной скоростью, что напрочь смазывает всю церемонию триумфа.

Воспоминания в качестве аккумулятора тоже не работа-

ют. Минск был прекрасен, и я не стану отказываться от этих слов. Я могу пересмотреть фотографии, вспомнить вкус форшмака и прохладу замковых стен. Только я прямо сейчас сижу в Москве. Воспоминание констатирует факт: тебе было хорошо *тогда*. Спасибо за историческую справку. А с сегодняшним дождливым вторником что прикажете делать?

В такие моменты мир неотвратимо сваливается в текстуры старой компьютерной игры, затертой до дыр еще в школьные годы. Карта открыта на сто процентов. Диалоги выучены до запятой. Тайники вычищены. Все боссы убиты с одной тычки.

Можно, конечно, запустить сюжет по двадцать пятому кругу и добросовестно отыграть правильную героиню. А можно начать ради чистого угара прыгать со скал, агрить дружественных NPC и ломиться в запертые локации — просто чтобы проверить, не треснут ли скрипты. В игре любой косяк лечится быстрой загрузкой сейва. В реальной жизни разработчики кнопку F9 предусмотреть забыли.

В общении с людьми эта тяга сломать декорации выглядит особенно паскудно. Пока человек для меня нов, я с азартом препарирую его реакции, нащупываю границы дозволенного, и процесс меня греет. Потом его поведение становится прозрачным, как стекло. Он доволен, он расслаблен, между нами тишь да гладь. Для него это идеальная дружба или стабильные отношения. А у меня внутри начинает зудеть дурацкий импульс: взять и швырнуть булыжник в эту стоячую

воду. Просто чтобы посмотреть, как пойдут круги.

Далеко не каждая такая мысль доходит до дела - я все-таки не клиническая идиотка, чтобы осознанно взрывать под собой фундамент. Но чужой потенциальный дискомфорт сам по себе мое любопытство не глушит. Приходится срочно включать калькулятор: этот объект мне дорог, последствия обойдутся в копеечку, профит копеечный, игра не стоит свеч. Очень высокоморальная основа для человеческих связей, знаю.

Хотя... давайте начистоту: перестаньте делать вид, как будто этот зуд — исключительно моя психопатическая экзотика.

Что вы сами делаете, когда вас накрывает серая тоска? Ни разу не лезли в комментарии под токсичным постом, заранее зная, что через две минуты будете плевать ядом? Не тянули за хвост дохлый спор, потерявший всякий смысл еще вчера? Не цепляли близких по ничтожным поводам ради бодрого скандала на кухне, а через час не жаловались подругам на тяжелую атмосферу?

Если все читающие эти строки — просветленные буддисты, круглосуточно медитирующие на цветущую сакуру, я искренне снимаю шляпу. Вы явно ошиблись книжной полкой.

Чужая драма — товар невероятно ходовой. Эмоции в ней бурлят натуральные, шишки и синяки достаются участникам банкета, а сытый зритель на диване бесплатно получает соч-

ный контент, азарт и повод почесать собственное превосходство. И все это, разумеется, подается под соусом священной борьбы за справедливость. Именно поэтому, когда очередной медийный скандал затухает, толпа с собачьим лаем бросается искать свежую кровь с такой скоростью, что справедливость не успевает даже надеть штаны.

Мне безумно удобно над этим глумиться.

Современный сытый обыватель сидит в теплой бетонной коробке, набитой благами цивилизации под завязку. В кармане лежит плоский стеклянный кирпич, через который можно за секунду получить доступ ко всей мировой библиотеке, музыке, кино, доставке горячей пиццы, сексу и чужим истерикам в прямом эфире. И это чудо эволюции сидит на диване и уныло цедит: «Что-то мне скучно...». Римский цезарь за десятую долю таких опций отдал бы половину провинций, а вам, видите ли, скорость интернета в лифте не нравится.

А потом я бью себя по рукам. Потому что у меня на руках ровно те же козыри: интересные проекты, поездки, ночная скорость, спорт, деньги, умные люди рядом и способность сгенерировать движуху на ровном месте. И точно так же наступают дни, когда ни одна из этих шестеренок не дает тока. Презирать чужой скроллинг ленты легко, но записывать себя в титаны осознанности — дешевый понт. Моя персональная скука просто обходится мне дороже по чеку.

Со стороны всю эту суету легко перепутать с абсолютной

внутренней свободой. Захотела — сорвалась в Минск. Надое-
ло — закрыла проект. Кто-то косо посмотрел — его личные
половые трудности. Картинка красивая.

Вот только за этой витриной прячется неприятный пара-
докс: я свободна выбирать следующий поворот руля, но я
категорически не умею стоять на обочине с выключенным
двигателем.

Пока в навигаторе вбит маршрут — все под контролем.
Стоит стереть точку финиша, как Пустота уже материализу-
ется в кресле напротив и вежливо заглядывает в глаза: «Ну
что, поиграли в нормальную? Поговорим?». На редкость на-
вязчивая дама. Следит, чтобы я не расслаблялась.

Поэтому работа, амбиции и гонка за результатами для ме-
ня давно перестали быть историей про успешный успех. Да, я
честолюбива, люблю забирать призы и терпеть не могу про-
игрывать. Но под этой яркой неоновой вывеской работает
банальный предохранитель — пока мой процессор трудится
на полных оборотах, зверь занят делом и не грызет прутья
клетки. Агрессия переплавляется в результат. А шанс раз-
нести собственную жизнь на куски ради минутной вспышки
искры падает до нуля.

Агрессия похожа на высоковольтную дугу. Ее можно за-
гнать в силовую кабель, поставить трансформаторы — и она
будет крутить станки и освещать цеха. Рекламный буклет о
силе воли выйдет на загляденье. Но у высокого напряжения
есть мерзкое свойство: сунешься не туда — обуглит до ко-

стей тем же самым током. И сказка про железную Ксению закончится в первой попавшейся канаве.

Я отлично отдаю себе отчет в том, что произойдет, если я однажды брошу поводок и позволю зверю выбирать маршрут вслепую. Казенные коридоры с решетками на окнах меня не прельщают ни на грош. Перспектива потерять автономию и подарить лучшие годы государству ради пяти ярких, незабываемых минут, это худшая финансовая инвестиция из всех возможных. Да и помирать молодой я не планирую.

Поэтому мое «нельзя» держится вовсе не на благочестивой мысли о том, что правильные девочки так себя не ведут. На правильных девочек мне начхать. Мой забор сколочен из куда более прагматичных досок: риски, издержки, последствия и то, что я категорически не намерена терять.

Иногда этого внутреннего расчета хватает сразу. Иногда приходится стискивать зубы так, что эмаль трещит, и тупо переживать, пока радиационный фон внутри черепа не вернется в зеленую зону.

Со стороны в такие секунды вообще ничего не происходит. Просто симпатичная девушка на секунду замолчала, ровно посмотрела на собеседника и спокойно пошла дальше по коридору. Человек видит воспитанную студентку, которая умеет держать лицо. Может, даже мысленно ставит плюсик моей выдержке.

Ну и пусть ставит. Ему так спокойнее.

Глава 3. Компас без стрелки: совесть, вина, стыд и жалость

Я несколько раз честно пыталась услышать свою совесть. Без стеба, без показухи, совершенно серьезно. Садилась ночью в тишине, вытаскивала из памяти самые сомнительные свои художества, перебирала их пальцами, как четки, и прислушивалась: ну давай, где должно кольнуть? В книжках и кино на этот счет наворочены горы литературы. Герои не спят сутками, меряют шагами комнату, не могут смотреть в зеркало, а через десять лет их на ровном месте скручивает спазмом запоздалого раскаяния. Материала для образцово-показательной бессонницы у меня в анамнезе наберется на пару увесистых томов.

Я прислушивалась. В темноте монотонно гудел компрессор холодильника. Тикали настенные часы. По батарее пробежала легкая дрожь. Больше ничего. Ни угрызений, ни шепота предков, ни внезапного жгучего желания упасть на колени и стать другим человеком. Холодильник честно морозил пельмени, выполняя заводскую функцию. Совесть признаков жизни не подавала.

Будь она осязаемым органом, медицине жилось бы куда проще. Вот печень, вот селезенка, а вот совесть - чуть увеличена, края рыхлые, отдайте терапевту. Великий нравствен-

ный ориентир человечества, воспеваемый классиками, обязан же хоть как-то фонить на приборах?

У меня под стеклом компаса нет даже оси. Пустая коробочка. При этом топографию местности я знаю на отлично. Прекрасно помню, какие поступки в обществе маркируются как мерзкие, какие слова полагается бубнить после провала и какие санкции прилетают, если грубо взломать консенсус.

И вот тут у «нормальных» людей регулярно клинит шестеренки. Раз Ксения не испытывает чувства вины - значит, наивно полагают они, девочка просто не понимает, что натворила!

Удобная, уютная логика. Жаль, фальшивая насквозь. Я безупречно восстанавливаю всю цепочку причин и следствий: где находился рычаг, куда пошла тяга, чьи интересы попали под раздачу и кому на выходе оторвало бампер. Если я целенаправленно шла именно к этому результату, хлопать ресницами и разыгрывать перед зеркалом искреннее изумление - дешевый балаган.

Просто мое знание о чужой проблеме не запускает механизм внутреннего самоистязания. Мне может категорически не понравиться сухой итог. Могут взбесить непредвиденные побочные эффекты. Я способна качественно, до скрежета зубовного разозлиться на саму себя за кривой расчет или недооценку чужой реакции. Это - настоящее. Но следом процессор мгновенно выкатывает следующий запрос: «Текущие параметры понятны. Что делаем дальше?».

Сколько часов мне полагается кататься по ковру и рвать на себе волосы, чтобы общество сочло проступок «морально обработанным», в моих протоколах не записано.

Между «зря я это сделала» и «боже, как я могла так поступить» лежит непреодолимая пропасть. «Зря» - это простая техническая констатация: решение дрянь, риски посчитаны через пень-колоду, поспешила, переоценила свои козыри. Неприятно, досадно, но понятно, где чинить схему.

«Как я могла» - совсем другой жанр. Судя по книжкам, в этот момент человек с ужасом обнаруживает внутри себя оскаленного монстра и неделями сидит рядом с этой находкой, заливаясь слезами. Мне подобные открытия без надобности: я и без драматического саундтрека отлично знаю, из какого железа собрана моя конструкция.

Если же маневр принес ровно то, что требовалось, и не оставил за собой горящих мостов - повода для душевной трагедии не остается вовсе. Вы имеете полное право приклеить на него ярлык «подлость». Я даже спорить не стану: в вашем толковом словаре формулировка вполне рабочая.

Зафиксировали: подлость. Классификация завершена, галочка в ведомости проставлена. А дальше вы почему-то ждете, что у меня внутри замкнет реле и я начну биться в конвульсиях. А реле не замыкает. С проводкой все в порядке.

И, положив руку на сердце, меня этот расклад устраивает. Я не испытываю ни малейшего желания просыпаться в четыре утра в холодном поту, вспоминая, какую гадость ляпнула

однокласснице во втором классе. Прошное уже отлито в бетоне и зафиксировано на веки вечные. Если поломку можно устранить с выгодой - устраняем. Если нельзя - запоминаем координаты граблей, чтобы не наступить на них повторно. Дополнительную пытку к последствиям я заказывать не вижу смысла.

Но при этом извиняться я умею просто превосходно. Слово «прости» - это всего лишь слово и оно не требует наличия специального органа, язык справляется самостоятельно, в штатном режиме. Да, я могу признать оплошность, даже некоторую степень вины, предложить компенсацию, вернуть ровно те покаянные интонации, которые собеседник так жаждет от меня услышать. Иногда это сродни простой сделке. Кратчайший маршрут, чтобы сохранить полезный контакт или прекратить душную сцену, которая могла бы растянуться неизвестно на сколько.

Беда в том, что граждане с тонкой душевной организацией упорно слышат в моем извинении нечто большее: как будто бы я обязалась теперь страдать синхронно с ними. Этого пункта в моей оферте не было. Хотя я понимаю, откуда растут ноги у этой надежды.

Я всегда считала: одного искреннего «извини» за один конкретный косяк более чем достаточно. Один инцидент - одна транзакция. Чек выбит, долг списан, разошлись.

Но люди почему-то наотрез отказываются играть по моим правилам бухгалтерского учета. Человек может с маниакаль-

ным упорством продолжать кривить губы, демонстративно вздыхать, урезать паек доверия и вычеркивать меня из контактов, хотя вся положенная ритуальная словесная шелуха уже была произнесена с безупречным выражением лица.

Вот эта привычка выкручивает мне нервы сильнее всего. В моей системе координат файл закрыт и сдан в архив. Но партнер снова достает папку, швыряет ее на стол и предлагает переиграть весь квест с первого уровня. Я могу повторить реплику. Могу добавить слезы в голос. Могу еще раз сдать норматив по публичному сокрушению. Единственное, чего я не способна сделать - это заставить себя почувствовать эту проклятую вину на самом деле. И чем дольше из меня выбивают несуществующую эмоцию, тем быстрее на месте вежливой улыбки проступает глухое, при этом совершенно искреннее раздражение.

Зато у окружающих это чувство включается так легко, будто там стоит автоматический тумблер. Смотреть на это - сплошное удовольствие, смешанное с легкой исследовательской завистью.

«После всего, что я для тебя сделала...» «Я от тебя такого никак не ожидал...» «Ну конечно, тебе же абсолютно наплевать...»

Красота! Человек секунду назад собирался жестко отстаивать свои позиции, захлопнуть дверь или сделать по-своему, а теперь уже суетится, оправдывается и лезет из кожи вон, лишь бы доказать стае, что он хороший. Кнопка нажата

точно, дальше объект движется по инерции.

Причем манипулятор вовсе не обязан быть гением интриги с блокнотом ядовитых цитат. Чаще всего он абсолютно искренен. Ему реально обидно, реально больно, и он свято убежден, что прошлые заслуги автоматически дают ему право на пожизненную ренту с чужой совести. Искренность ни капли не мешает человеку быть первоклассным домашним паразитом. Скорее наоборот: добавляет поводку стальной прочности.

Больше всего в этой схеме меня поражает бессрочность долгового обязательства.

Ошибся? Признал. Закрыв ущерб. Почему же старая история продолжает работать как кредитка с бесконечным овердрафтом? Спустя полгода достал ее из кармана, приложил к терминалу, и должник снова послушно опускает плечи. С тем, кто держит карту, все ясно: отказываться от такого рычага дураков нет. Но почему вторая сторона добровольно продолжает оплачивать воздух - выше моего понимания.

Впрочем, если быть до конца честной, моя красивая циничная схема иногда дает сбой. Люди способны возвращаться к старым грехам вообще без внешнего пинка. Сами идут сдаваться туда, где никто ничего не заподозрил. Пытаются возместить ущерб, за который им не грозило даже косого взгляда. Годами лишают себя радостей просто потому, что однажды оступились на пустой дороге.

Списать все на паранойю и страх разоблачения не выхо-

дит: для этого пришлось бы поселить в каждый шкаф по невидимому майору ФСБ. Даже для моей оптики это чересчур натянуто.

Выходит, им действительно жизненно мало того, что преступление сошло с рук. Им непременно нужно сожрать себя самостоятельно. Вот этого фокуса я не понимаю наглухо. Не в смысле «ну и придурки», а буквально: у меня нет для этого входного порта. Я вижу механику, регистрирую факт, но в точке, где человек заявляет: «Я больше не могу с этим жить», мой процессор выдает критическую ошибку.

Потому что мне живется. Совершенно нормально живется. Со стыдом расклад еще комичнее. Его обожают сваливать в одну корзину с виной и совестью, хотя природа у них абсолютно разная.

Вина - это когда ты сломал чужую вещь и тебе не по себе. Стыд - это когда ты вообще никому зла не желал, просто натянул нелепый свитер, споткнулся на ровном месте, брякнул не что-то совершенно кринжовое в приличном обществе и теперь готов заживо провалиться сквозь паркет. Земля, разумеется, раскрываться под ногами отказывается, заставляя стоять и обтекать под софитами.

Нежелание выглядеть клинической идиоткой мне как раз предельно близко. Фасад, одежда, пластика, тембр голоса — все это элементы маскировки, они стоят дорого. Если мне необходимо обаять человека, начинать раунд с хамства или нелепых ужимок — выстрел себе в колено. Если зада-

ча пройти невидимкой — глупо надевать неоновый жилет. Мнение окружения я считаю до десятых долей процента, пока оно конвертируется в конкретный результат.

И попытка публичного унижения вызывает у меня ярость. Плотную, острую.

Только вектор у нее совсем другой: если гражданин решил самоутвердиться за мой счет, мне хочется приложить его головой о кафель, а не сворачиваться эмбрионом под плитинусом. И в этом ключевая развилка. Мне отвратителен источник угрозы, а не факт собственного существования. Он совершил агрессию — он враг. С какого перепугу я должна решать, будто со мной фундаментально что-то не так?

Когда меня ловят за руку на скрытом маневре, реакция тоже присутствует. «Черт, спалилась».

Лишняя утечка данных. Придется перестраивать график, переписывать смету, придумывать новые ходы и гасить пожар. Я могу качественно материться сквозь зубы на собственную криворукость. Но если бы никто не заметил пропажи — поступок ни на йоту не стал бы в моих глазах хуже или лучше. Изменились вводные задачи, только и всего.

Нормальный же обыватель способен устроить себе персональную инквизицию вообще без свидетелей. Сидит в пустой кухне, пьет чай, вдруг вспоминает, какую ахинею сморозил на пьяном корпоративе в две тысячи семнадцатом году — и багровеет до корней волос. Участники банкета давно развелись, облысели, разъехались по другим городам или

благополучно легли в землю, забыв и ту вечеринку, и ее свидетелей. Но внутренний кинозал открывается по расписанию: добро пожаловать на бесплатный повтор личного позора в формате высокой четкости!

Стыд — это тотальное рабство перед взглядом чужой стаи. Человек выбирает профессию, вступает в брак, носит дурацкие ботинки и гробит жизнь не потому, что ему так в кайф, а из панического ужаса: «Господи, а что скажут люди?!».

Люди, милый мой, заняты перевариванием собственного обеда и на твой позор им плевать с высокой колокольни. Но страх сидит в печенке.

Особенно дико, когда этот поводок накидывают на чистую физиологию. Пацан разбил колено в кровь, ему больно до потемнения в глазах, а взрослые дяди уже шипят: «Терпи, мужики не плачут!». Гениально: к физической боли прикрывают обязательство скрывать естественную реакцию тела, чтобы не опозорить род. Кто в плюсе? Папаша, которому лестно растить негниблемого робота без слезных желез.

А правила игры при этом меняются со скоростью флюгера. То, за что сто лет назад женщину забивали камнями у забора, сегодня считается признаком независимости и собирает тысячи лайков. То, чем гордились в девяностые, сегодня вызывает брезгливую мину. Человечеству было стыдно за внебрачных детей, за благородное происхождение при советах, за бедность при капитализме, за развод, за чужую ве-

ру. Удивительной точности навигационный прибор: калибровка слетает каждые двадцать лет, но стрелка упорно требует расшибиться в лепешку.

Можно вообще застрять между взаимоисключающими параграфами: попросила помощи - слабачка, решила проблему сама - высокомерная стерва, слушаешь мать – размазня, послала родственников - неблагодарная дрянь. Куда ни шагни - везде позор.

Поэтому меня всегда занимал не сам жест, а пружина, которая за ним стоит. Представьте вагон метро в час пик. Сидит вымотанный парень, рядом встает пожилая женщина с тяжелыми сумками. Парень встает и уступает место.

Почему он это сделал? Вариант первый: искренне посочувствовал чужой усталости. Вариант второй: сработала дрессировка из начальной школы. Вариант третий: спинным мозгом почувствовал, как пассажиры вокруг уже наливаются праведным гневом и готовы испепелить его взглядом.

Результат абсолютно одинаков: сиденье свободно, бабушка сидит. Но по пустому креслу мотив не считывается. И когда кто-то гордо бьет себя пяткой в грудь: «Я бы в жизни так не поступил!», это не говорит мне ровным счетом ничего. Не поступил - почему? Рука дрогнула от жалости? Сам потом не уснешь? Или просто зассал, что соседи увидят из окна?

Со мной в этом плане и проще, и куда неудобнее.

Если максимум, на что вы способны, это плохо обо мне подумать в тишине своей квартиры, вам придется пережить

эту трагедию без моей помощи. Я не побегу взламывать вашу черепную коробку, чтобы срочно навести там порядок. Но если ваше мнение напрямую конвертируется в мой про-фит, декорации меняются мгновенно. Я умею быть чуткой, милой, безупречно воспитанной девочкой, которую профессора ставят в пример первокурсницам.

Внешние признаки усваиваются отлично. Когда промолчать, когда улыбнуться, какую фразу человек хочет услышать, где лучше показать скромность. Я вообще значительную часть времени живу на этой разнице между тем, что происходит внутри, и тем, что видит человек напротив. Маска сидит как влитая. Просто не нужно путать краску на фасаде с несущими конструкциями дома.

С жалостью все еще прозаичнее. Я вижу, когда человеку хреново. Причину вычисляю в секунды, порой задолго до того, как пострадавший сам сообразит, где промокло. Понимаю, какие рычаги способны вытащить его из ямы. Но между фактом «ему больно» и командой «Ксения обязана сжечь свое время и деньги ради его спасения» у меня нет автоматического мостика.

Если вам этот мост перекидывает сострадание, завидую, жизнь полна открытий. Мне для включения требуется конкретная причина.

Человек входит в мою стаю? Задача бросает вызов мозгам? Проще решить вопрос за пять минут, чем два часа слушать унылое нытье? Или услуга мне ничего не стоит, а ба-

ланс отношений качнется в мою пользу?

Да, бывали случаи, когда я впрягалась в чужие проблемы без прямой материальной выгоды: рисковала, ломала планы, тратила ресурсы. Потом садилась и хладнокровно вскрывала подоплеку: азарт, сложность комбинации, упоение властью от осознания, что чужая судьба прямо сейчас висит на кончике моего пальца. Можно было наклеить сверху ярлык «христианского милосердия», но врать самой себе плохая привычка.

Хотя с точки зрения спасенного разницы нет никакой. Помощь состоялась. Но социум почему-то требует выдавать медали строго при наличии правильной скорбной физиономии.

Работает и обратное правило: то, что я вижу чужую боль, ни на секунду не обязывает меня ее прекращать. Вот эту аксиому люди переваривают с огромным скрипом. В их картине мира понимание обязано породить действие. С какой стати? Я зафиксировала сигнал. Что делать с ним дальше, вопрос тактики, а не морального долга.

Поэтому чужие слезы меня чаще всего утомляют. Особенно когда их используют как таран: человек рыдает, заглядывает в глаза, набрасывает новые трагические подробности и снова сверлит меня взглядом. Я с первой секунды поняла расклад и оценила запрос. Зачем продолжать крутить шарманку? Чувствуешь себя как перед экраном, на котором в десятый раз крутят длинную видеоинструкцию к утюгу, который ты уже включил в розетку.

Хотя на большинство эта сирена действует безотказно. Граждане бросают работу, сливают бюджеты, забывают о собственных детях лишь бы заткнуть чужой фонтан и снять зуд в собственной груди. Идеальный инструмент давления. Просить прямо даже не обязательно: достаточно качественно, со вкусом страдать на видном месте.

В одном черновике я назвала таких персонажей эмоциональными попрошайками. Зло, конечно, зато хирургически точно. «Пойми меня, пожалей, раздели, побудь рядом, не смей уходить...». Стоит намекнуть, что приемные часы окончены, как ты моментально превращаешься в ледяное чудовище.

Моя реакция на фразу «мне плохо» проста: принято к сведению. Но переход к выводу «значит, ты должна» неизменно вызывает вопрос: где заверенная копия контракта? Подписи нет? Свободны.

Впрочем, и здесь не стоит лепить из меня неуязвимого снайпера, отстреливающего дешевых манипуляторов. Мой предохранитель не имеет тонкой калибровки. Жалость молчит и тогда, когда человек абсолютно чист, когда беда реальна, а страдание заслужено по всем меркам вселенной. Проверка пройдена, манипуляций ноль, а волшебная теплая волна внутри все равно не поднимается. Механизм отсутствует целиком.

И жалость в свой адрес я переносу скверно. Стоит кому-то узнать обрывки пензенского детства или диагноз, как

интонации мгновенно теплеют: «бедная девочка, сколько же тебе пришлось вынести...». Я могу разыграть эту карту, если на кону стоит профит. Но иллюзии близости не возникает ни на секунду. В такие моменты человек разговаривает не с живой Ксенией, а с удобным, слезливым призраком из своей головы. Тот призрак ему куда милее.

На этом месте чертовски легко состряпать рекламный буклет об идеальном сверхчеловеке. Никаких ночных кошмаров, ноль рефлексий, стыд перед соседками отключен, жалостью не прошибешь. Чистый КПД, идеальная машина для движения вперед. Я и сама когда-то с удовольствием выкачивала манифесты в стиле Homo Mechanicus: сто процентов рациональности, ноль потерь на обогрев космоса.

Звучит броско. Вот только под звездочкой в договоре напечатан мелкий шрифт.

Нельзя вырезать из системы бессмысленную вину, оставив благородную. Нельзя ампутировать глупый стыд за дырявый носок, сохранив спасительный нравственный тормоз перед пропастью. Блок управления вырезан целиком, под корень.

Обычный человек может спорить со своими чувствами: понимать абсурдность вины, бороться с навязанным стыдом, но все-таки ощущать границу кожей. У меня остается только голый расчет: цена вопроса, риски, активы, баланс сил.

И когда мне чего-то дико, до дрожи в пальцах хочется, то интеллект мгновенно переqualифицируется из беспри-

страстного судьи в первоклассного, беспринципного адвоката. Неудобные факты объявляются несущественными, риски списываются на статистическую погрешность, а собственная гениальность раздувается до небес. Я способна виртуозно обосновать любую дичь.

А потом тем же самым мозгом приходится на живую собирать выбитые зубы и выяснять, где именно я сама себя так сказочно налюбила.

Отсутствие совести не делает меня неуязвимым терминатором. Оно просто отменяет один конкретный вид душевной боли. А законы физики никуда не деваются. Люди уходят, ошестиниваются, дают сдачи, ломают мои планы и захлопывают двери перед носом. Реальности глубоко начхать, каюсь я в углу или нет: счета за разбитую посуду она выставляет строго по прейскуранту.

Мои личные «стоп-краны» собраны вовсе не из божьих заповедей. Они сколочены из практического знания прейскуранта. Я не лезу в определенные авантюры исключительно потому, что разгребать последствия выйдет себе дороже. Никакой поэзии. Чистая математика.

И когда вы гордо заявляете, что не способны на подлость, мне всегда хочется заглянуть под обшивку: что именно держит вас на поводке? Страх огласки? Ужас перед зеркалом? Боязнь вылететь с работы? По внешнему красивому поступку правды не узнать.

Совесть принято считать компасом. Я умею ориентиро-

ваться по чужим картам, знаю азимуты, помню, где мох на деревьях и куда дует социальный ветер. Могу даже уверенно вести за собой тех, кто заблудился в трех соснах.

Вот только на моем собственном приборе под круглым стеклом нет стрелки. Сколько ни тряс корпус, как ни всматривайся в темноту, пустота внутри не покажет, где север.

Глава 4. Фантомные боли: попытки починить механизм

В конце мая, едва вернувшись в Москву, я решила одним махом закрыть накопившиеся социальные долги.

Меня не было три месяца. Подруги и знакомые девчонки закономерно требовали личных аудиенций, а мотаться по душному городу и выдавать каждой индивидуальную порцию дежурной улыбки мне было откровенно лень. Чистая логистика: оптимизируем затраты времени. Я собрала весь свой ближний круг на даче. Пять человек плюс я. План казался мне образцом управленческого гения.

Девчонки, разумеется, пришли в восторг. Природа, жаркая баня, угли в мангале, музыка, горы алкоголя — можно орать песни хоть до порванных связок, не оглядываясь на соседей по лестничной клетке. Сценарий в моей голове рисовался предельно аккуратным: шумно и на полную катушку гуляем вечер, утром народ трезвеет, упаковывает рюкзаки и дружно разъезжается по домам.

Я до сих пор не понимаю, какая системная ошибка заставляет меня после стольких лет жизни среди людей раз за разом верить, будто взрослые прямоходящие особи способны добровольно проснуться утром после тяжелой попойки.

Утром их разбудить не удалось ни криками, ни стуком

сковородок. Затем на автомате начался второй день всеобщего праздника жизни, плавно перетекший во вторую ночь в том же составе, с тем же градусом и теми же пьяными откровениями.

Веселье, правда, происходило исключительно по ту сторону моих глазных яблок. Я к вечеру второго дня уже сидела на стуле и молча отсчитывала секунды до освобождения собственной жилплощади.

Хуже всего было то, что предъявить гостям по закону было нечего. Никто не брал дачу штурмом, не связывал меня скотчем и не требовал выкуп. Я сама разослала приглашения. Они делали ровно то, ради чего приезжают на загородные тусовки: пили вино, танцевали, вели душевные разговоры на крыльце, парились в бане и искренне считали, что выходные удались на славу. Обычные молодые девчонки, абсолютно нормальное человеческое времяпрепровождение.

Мне внутри этого праздника тоже полагалось испытывать кайф. Хорошая компания, люди подобраны лично мной, ни единого косоного взгляда или повода для драки.

А внутри вместо благостного «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» поднималась тяжелая, мутная волна раздражения. Следом за ней привычно заскреб когтями зверь: темная, слепая агрессия, которую приходилось буквально за шиворот оттаскивать от горла окружающих. Отличный отдых, Ксюха. Пять баллов организатору. Сама зазвала людей в дом, сама теперь скрипишь эмалью от того,

что они отказываются испариться по щелчку пальцев или по щучьему велению.

Я не пила. Ни капли. Алкоголь мне противопоказан даже в аптекарских дозах. Удерживать внутреннего хищника на коротком поводке — задача и на трезвую голову не из легких. Добавлять в эту систему этанол, добровольно отключая рациональные тормоза ради сомнительного удовольствия повизжать под попсу, сделка для клинических самоубийц. Свой мозг я ценю слишком высоко. Свободу — еще выше. Под градусом я точно не стала бы душой компании. Зато перспектива проснуться на полу рядом с чьим-то трупом и на долгие годы уехать за казенный счет шить рукавицы приобретала пугающую реалистичность.

Поэтому за всем этим балаганом я наблюдала почти что с хирургической трезвостью.

И вот этот контраст выкручивал нервы до предела. Сделай кто-то из девчонок откровенную пакость, было бы в разы проще: вот точка удара, вот враг, достаем инструментарий и зачищаем периметр. А тут люди просто счастливы. Они беззлобны, расслаблены, искренне меня любят. И единственный неадекватный персонаж в этом цветущем саду — сама хозяйка, которая сидит в углу и мысленно примеряет лопату к чужим затылкам. Чувствуешь себя профессиональной, законченной душнилой, и самое противное — диагноз оспорить нечем.

На второе утро, пока этот штабной лазарет тяжело досы-

пал на диванах, я вышла на веранду. На часах было около восьми утра. Над дачным поселком висел сизый, прохладный туман, а в низких облаках монотонно и тяжело гудели моторы: всю ночь над нами с мерным рокотом кружили военные вертолеты и тяжелые транспортники. Звуковой фон подходящий. Я открыла ноутбук и начала набрасывать пост для канала.

Когда солнце пригрело и мне все-таки удалось вытряхнуть народ из одеял, я молча вручила девчонкам старую электрическую газонокосилку. Хватит спать, добро пожаловать в реальный мир.

Трава на участке за три месяца моего отсутствия вымахала знатная: нормальному человеку — по пояс, а такой мелочи, как я — аккурат по нижние ребра. Косилка была на высоких нотах, захлебывалась зеленым силосом, нож заклинивало через каждые пять метров, а пластиковый травосборник наполнялся за пару минут. В какой-то момент я с руганью отстегнула эту корзину и швырнула ее в крапиву — пусть летит куда попало, сил таскать мешки уже не оставалось.

И знаете, с этой бешеными темпами прущей травой мне было в сотни раз комфортнее, чем с живыми людьми.

Вот запущенный участок. Вот ревущий железный мотор. Вот тупой нож, который нужно прочищать щепкой. Понятная физическая работа. Задача, усилие, результат. И никакой душевной мути: трава не требует от меня эмоциональной близости и не обижается, если я смотрю на нее без должного

восхищения.

К вечеру я наконец выпроводила гостей и вернулась в Москву. Выжатая досуха, пустая, злая, как черт. Клининг я так и не вызвала, квартира встретила пылью и раскиданными вещами, но даже этот неубранный угол показался мне раем. Там стояла тишина. Никто не открывал рот.

Логический вывод напрашивался сам собой: он был настолько элементарным, что до него без труда додумался бы любой первокурсник. Дорогая Ксения, прекрати эксперименты. Не привози людей к себе на двое суток. Встречайся в кафе, в баре, на нейтральной полосе: устала - вызвала такси и растворилась в ночи. Вот и вся наука.

Проблема заключалась в другом: в ту минуту, когда я набирала сообщения в общий чат, я действительно, совершенно искренне хотела, чтобы они приехали.

У меня есть знакомые, с которыми я общаюсь без всякой корысти. Не для того, чтобы выбить скидку, забрать чужие базы данных или перехватить нужный контакт. Я не планирую вербовку. Я просто открываю диалог и зову человека выпить кофе. А через два часа живого трепа внутри загораются красные буквы: «Лимит исчерпан. Пожалуйста, выйдите из вагона».

И эта нестыковка бесит меня до белого каления. Не люди раздражают, с людьми-то как раз все в порядке. Раздражает собственный процессор, который переписывает техническое задание прямо во время выполнения проекта, забыв уведо-

мать подрядчиков. Вчера мне позарез требовалось человеческое тепло, а сегодня я не знаю, куда спрятаться от чужого дыхания. Притом что гости вели себя безупречно.

Наверное, я раз за разом устраиваю эти социальные испытания из чистого исследовательского упрямства: мне любопытно ваше «просто вместе».

Как это работает? Люди могут сидеть часами, молоть чепуху, смеяться над старыми шутками, не решать мировых проблем, не подписывать контрактов — и расходиться сытыми и довольными. Никто не заработал миллион, никто не взломал чужую волю, но вечер признан великолепным. Им хватило самого факта чужого присутствия.

Я вижу этот феномен со стороны. Умею безупречно в него встраиваться. Мимика, своевременный смех, подача реплик, вид искренней заинтересованности в истории, которую я слышу в пятый раз - все отработано до рефлексов. Иногда маска сидит настолько плотно, что я почти забываю о ее существовании.

И в такие минуты просыпается идиотская, наивная надежда: а вдруг? Вдруг если механически повторять правильный алгоритм достаточно долго, проводка внутри замкнется сама собой и система заработает на штатных частотах? Я ведь способна освоить любую дисциплину, которую можно разложить на схему. Почему именно эта конкретная человеческая программа упорно отказывается инсталлироваться в мою операционку?

На даче это особенно раздражало. Я собрала идеальные вводные: достаточно близкие люди, отличное место, безопасность. Оставалось выполнить простейшее базовое действие, то есть поймать кайф от нормального человеческого общения. Вроде бы никаких сверхусилий не требуется. А на выходе, что? Скрипение зубами и мечта о бронированной двери, которая отрезет меня от всего этого безобразия.

В том утреннем посте на веранде я со злости назвала себя бракованным роботом, который из последних сил пытается имитировать человека, а получается нелепая пародия на жалкое недоразумение. Сейчас формулировка кажется мне дешевой подростковой драмой, но вот тогда, в тот момент, раздражение было неподдельным. И вопрос никуда не делся: может, пора завязать с этими гастролями?

Жить в автономном бункере куда гигиеничнее. Впустила контакт, сняла информацию, закрыла люк. Одиночество мне подходит идеально, в нем нет трагедии.

Но проходит пара месяцев, тишина начинает звенеть в ушах, и исследовательский зуд возвращается на круги своя: а вдруг в этот раз сработает? Вдруг дело было в погоде, в людях, в давлении? Очень похоже на дурака, который тычет пальцем в сломанный выключатель: лампочка не горит, он отходит, ждет полчаса и нажимает снова. Вдруг электричество одумалось?

С животными у меня когда-то была ровно такая же абсолютная ясность. Я искренне не понимала, зачем взрослые

люди тащат в квартиры шерстяных четвероногих нахлебников, но была свято уверена, что мотивы хозяев мне ясны до долей процента. У меня в архиве до сих пор пылится старая диктофонная запись — монолог юной циничной Ксении об анатомии собачников. Блестящая была теория. Строгая, логичная. Я обожаю свои теории — ровно до тех пор, пока реальность не начинает топтаться по ним в грязных ботинках.

Суть концепции сводилась к простой механике: домашний питомец, это легальный, бесправный раб.

Человек покупает живое существо, запирает в четырех стенах и с этого момента единолично управляет его биологией. Когда жрать, где спать, куда мочиться, лишать ли репродуктивных органов. Хозяин, по сути, для животного - верховное божество. А само животное заложник. Собака даже если очень сильно захочет, физически не может выйти на улицу, пока божество не соизволит оторвать задницу от дивана и повернуть ключ в замке. А потом это же божество умиляется в соцсетях: «посмотрите, какая преданность, как она меня любит!».

Еще бы ей тебя не любить, милый. У тебя в руках монополия на миску с кормом и дверную ручку.

С живыми людьми такой фокус не прокатывает. Человек имеет наглость претендовать на паритет, заводить свои дела, иметь свои интересы, хлопать дверью и даже уходить в туман. У него, видите ли, есть собственный дубликат ключей от квартиры. Вот это вообще огромный недостаток челове-

ческих отношений! Сколько драм и разбитых сердец удалось бы избежать, если бы партнеров можно было просто запереть в квартире до вечера.

В моей старой парадигме собака была идеальным суррогатом для тех, кто провалил экзамен на нормальные отношения. Не умеешь договариваться с равными — заведи существо, которое будет встречать тебя с работы как национального героя, даже если ты просто выходила выбросить мусорный пакет. Безусловное обожание по оптовой цене. А если живая игрушка надоест, великая любовь ликвидируется росчерком пера: приют, улица, укол в ветклинике. Субъект права из четвероногого никакой.

Теория мне страшно нравилась. Она так красиво и безжалостно сдирала позолоту со всех этих слюнявых хозяев с фотографиями лабрадоров. Любовь препарировалась как жажда тотального контроля, преданность — как стокгольмский синдром чистой воды.

А потом мне подарили щенка. С тех пор я отношусь к собственным монументальным теориям с заметной осторожностью.

Я отбивалась до последнего. Не из благородных опасений «справлюсь ли я с ответственностью», а из трезвого понимания масштабов надвигающегося геморроя. Собака жрет ресурсы. С ней надо таскаться под дождем и снегом. Спонтанный образ жизни летит к чертям: нельзя просто сунуть паспорт в карман и улететь в Стамбул на неделю, изволь сначала

ла пристроить живой хвост. Прощай автономия, здравствуй подъем в семь утра.

К тому же я была железобетонно убеждена, что никакой нежности и тем более любви к этому существу никогда не испытаю. И зачем тогда добровольно вешать себе на шею этот хомут? Смысл сделки?

Но даритель оказался чертовски упрямым типом. И, надо отдать должное, первоклассным психологом — во всяком случае, он явно понимал, какую партию разыгрывает. Оборону мою продавили, и на моем ковре материализовалась Пеппи — мелкая, пятнистая девочка породы джек-рассел-терьер.

Первые недели две я всерьез прикидывала маршруты отступления. Как бы аккуратно, без лишнего шума сдать ее обратно или передарить в надежные руки, пока биологический объект не пустил корни в моем расписании. Жалости во мне не ночевало, так что моральные терзания сделку не тормозили.

И все-таки я ее не отдала. Никакого киношного перелома не случилось: я не просыпалась в слезах умиления, глядя, как солнечный зайчик играет на ее ушах. Музыка за кадром не заиграла. Пеппи просто путалась под ногами, грела мне ступни, нагло лезла лизаться, встречала у порога таким бешеным вилянием хвоста, как будто я воскресла из мертвых, и незаметно стала деталью пейзажа.

А в один прекрасный день я с досадой зафиксировала

факт: если она исчезнет, мне будет ее не хватать. Система выдала критическую ошибку. Все аргументы «против» оставались в силе: шерсть на одежде, прогулки по слякоти, сорванные графики. Пеппи не умела нажимать кнопку «пауза», когда у меня садилась социальная батарейка. Но вышвырнуть ее из жизни я больше не могла.

Мне просто хотелось, чтобы эта собака была рядом. Слово «любовь» я сюда клеить не стану — не потому, что трясусь над репутацией социопатки (этот фасад и без того трещит по швам), а потому что я понятия не имею, что вы вкладываете в этот термин. Привычка? Да. Привязанность? Пожалуй. Пусть непривычная, странная, но вполне осязаемая.

Когда обстоятельства вынудили меня уехать из страны на три месяца, Пеппи осталась в Москве у проверенных людей. Мыслей бросить ее насовсем не возникало ни на секунду. И ближе к концу поездки я вдруг поймала себя на том, что считаю дни до возвращения не только ради родных стен и привычной кухни. Я возвращалась к собаке.

Для меня это был нонсенс: раньше географическая точка определялась исключительно коэффициентом комфорта. Хорошо здесь - остаемся. Стало душно - меняем декорации. А тут в уравнение вмешался джек-рассел. Я сидела в аэропорту и в деталях представляла, как она с визгом влетит в меня в коридоре. Никаких слез над фотографиями в телефоне не было, врать не стану. Но место встречи было забронировано намертво.

Смешнее всего было поймать себя на мысли: «Она ведь рада мне просто потому, что я - это я».

Та самая Ксения, которая еще полгода назад под запись на диктофон доказывала, что собачья верность, это дрессировка желудка и отсутствие альтернатив. Браво. В отношении чужих питомцев я выставляла следственные стандарты уровня Нюрнбергского трибунала. А рядом со своим щенком внезапно растаяла от банальной возни у порога.

Может, я сама придумала это утешительное объяснение? Разумеется. Пеппи не подпишет протокол допроса, мотивы не изложит. Можно продолжать утверждать, что собака просто реагирует на привычный запах поставщика сухого корма.

Только раньше этой утилитарной формулы мне хватало с головой, чтобы закрыть вопрос. А теперь — не хватает. Вот в чем загвоздка.

Я искренне презирала людей, покупающих себе безусловную любовь за пакет собачьих консервов. Теперь у меня на поводке скачет ровно такое же зависимое существо, и я вынуждена признать: факт этой зависимости ни на йоту не отменяет того, что оно мне жизненно необходимо. Притом что я эту связь не планировала, считала обузой и вначале пыталась слить.

Списать все на химию и привычку? Отлично. Только другие привычки я вытряхиваю из графика одним движением, стоит им стать нерентабельными. А за эту держусь зубами, несмотря на все бытовые неудобства.

Если положить рядом эти две истории - дачные выходные и джек-рассела, получается прелестный парадокс. С людьми я вывернулась наизнанку: собрала, накормила, сыграла идеальную хозяйку, искренне пыталась проникнуться общим полем. Итог - глухая ненависть на исходе вторых суток и желание сбежать в тайгу. С собакой я не ставила никаких душевных задач, отбивалась руками и ногами, а в финале - искреннее желание лететь через полмира к ее коврику.

И кто после этого робот с безупречным самоконтролем? Именно после всей этой истории Пеппи в моей черепушке зашевелилась мысль, которую раньше я прибила бы тапком на старте: а может, и с ребенком все окажется не так ужасно и катастрофично? Не факт, что там автоматом включится этот хваленый материнский инстинкт и прочая святость из книжек, но сам факт появления такого вопроса стал для меня чем-то вроде удара под дых.

Раньше ведь все было кристально ясно. Я знала, что эмоциональные связи не мой профиль. Знала анатомию чужих привязанностей. Знала, где у вас кончается забота и начинается поводок. Уверенность - чертовски удобный диван: сидишь ровно, пока реальность не швыряет тебе на колени живого джек-рассела, перечеркивая чертежи.

Пеппи меня, конечно, не исцелила. Финал этой главы не спонсирован студией «Дисней», так что убирайте платочки. Чужие слезы по-прежнему вызывают у меня лишь зевоту, компании людей высаживают батарейку с прежней скоро-

стью, а совесть признаков жизни не подает. Собака просто заняла свое конкретное место в моей жизни. И это место теперь неприкосновенно.

Поэтому меня так веселят комментарии в моем чате, примерно вот в таком духе: «Ксюша, научи быть такой же, как ты!». Люди читают про отсутствие вины, страха, совести, токсичных привязанностей и видят в этом бесплатный читкод к счастливой жизни. Как перестать ревновать? Как отключить сострадание? Как стать неуязвимой? Они уверены, что я держу в секрете заводские настройки. Ага. Размечтались.

Ребята, я эту броню в магазине не покупала. Мне выдали этот комплект на старте, и я потратила годы, чтобы приспособить его к выживанию.

Да, холодный рассудок дает колоссальную фору. Отсутствие страха перед чужим мнением освобождает тонны энергии. То, что нормального человека пережевывает месяцами, от меня отскакивает как горох. Было бы верхом идиотизма выбрасывать инструмент только потому, что он не нравится моралистам.

Но если бы передо мной реально положили две пилюли из «Матрицы», одну с моей вечной ледяной автономией, а вторую с полным спектром нормальных человеческих чувств и эмоций, конечно, я бы не стала выбирать свою Пустоту.

Ни секунды не сомневаясь. Это не суперсила. Вы просто выдергиваете из моего описания красивую витрину. Да, вам

хочется не реветь в подушку из-за предательства, не бояться косых взглядов и не платить за ошибки бессонными ночами. А изнанку вы предусмотрительно выбрасываете за скобки.

Удобный фокус: забрать себе мою непробиваемость, но сохранить способность искренне любить, плакать от красоты, находить покой в тишине и греться о чужое плечо. Превосходный райдер. Я бы сама под таким подписалась.

Вот только комплектации «социопатия-лайт» на этом складе не предусмотрено. Либо все сразу, либо ничего. Это примерно, как нельзя быть слегка беременной. Так и здесь. Нельзя вычеркнуть только то, что вам мешает и оставить все остальное.

Слово «починить» я использую просто для наглядности: если в машине не работает передача, механик вскрывает коробку и ищет, где там чего сломалось. С поведением это еще работает: я научилась не кидаться на людей с кулаками, не добивать упавшего, если это невыгодно, научилась вовремя захлопывать пасть в конфликтах, научилась не устраивать пожаров ради минутной вспышки искры. По сравнению с испуганным диким зверьком из Пензы я продвинулась на световые годы.

Но механическое повторение правильного действия не рождает эмоцию.

Можно сто раз промолчать в споре, но так и не проникнуться уважением к оппоненту. Можно идеально утешить плачущую подругу, оставаясь внутри холоднее мрамора.

ра. Можно организовать роскошный уикенд и втайне ненавидеть каждого, кто переступил твой порог.

И можно годами бегать от собаки, чтобы потом обнаружить себя покупающей ей дорогую шлейку.

Последнее до сих пор выбивает меня из колеи, потому что взламывает код.

С психотерапией у меня отношения ровно такие же шизофренические. Я перелопатила тонны специальной литературы, прекрасно вижу приемы манипуляций и всегда с брезгливым скепсисом смотрела на перспективу сесть в кресло напротив чужого дяди, который за мои же деньги начнет ковырять пальцем во «внутреннем ребенке» и советовать «принять свои чувства». Чтобы что-то принять, это «что-то» неплохо бы сначала нащупать на рентгене.

В ранних черновиках я безапелляционно утверждала: психопатов вылечить невозможно, разговорами душу не вырастишь, дрессировка работает исключительно через демонстрацию личной выгоды. Сейчас я бы такими абсолютами не разбрасывалась. Не потому, что уверовала во всемогущество психоанализа. Просто жизнь уже не раз щелкала меня по носу за фразы «со мной этого никогда не случится». Реальность обожает принимать такие заявления как личный вызов.

Тот самый мозгоправ, который фактически всучил мне Пеппи, тоже никуда из биографии не денется. Крайне неудобный персонаж для моей антипсихологической доктрины.

Конечно, он не вырастил во мне эмпатию и не вставил недостающие предохранители. Но он сумел аккуратно загнать меня в ситуацию, от которой я бы отреклась руками и ногами, и результат перепахал мою жизнь там, где я держала круговую оборону. Сделал ли он это по гениальному расчету или просто ткнул пальцем в небо — не имеет значения. Факт налицо: я не хотела собаку, меня продавили, собака осталась, и теперь она мне нужна.

Меня вообще убеждают только материальные следы на грунте. Научилась держать агрессию — значит, меньше поломанных судеб и проблем со статьями УК. Перестала сжигать мосты из упрямства — меньше финансовых потерь. Если психологический костыль позволяет не расшибать лоб о знакомый косяк — берем в арсенал.

Но как замерить динамику там, где приборы показывают абсолютный ноль? По тому, насколько правдоподобно я научилась изображать участие? Паршивый критерий: притворяться я умела еще во втором классе.

Наверное, в этом и кроется главный тупик всех моих попыток внутреннего ремонта.

Я привыкла к формуле: усилие равно отдаче. Не знала — прочитала. Не умела — натренировала. Не вышло в лоб — обойдем с тыла. Мир вокруг можно разобрать по косточкам и подчинить задаче.

С собственной головой этот номер не проходит. Я умею моделировать чужое поведение, но не способна вызвать в се-

бе искреннюю радость от чужого присутствия. Умею собрать вокруг себя преданных людей, чтобы через сутки задыхать-ся от их общества. Могу заранее объявить щенка бесполезным мусором, а потом мчаться к нему через таможни. Для человека, который кичится абсолютной прозрачностью собственного разума, новости так себе.

Поэтому я не берусь предсказывать, чем закончится эта пьеса. Может, действительно пора бросить попытки выжать из сухой губки каплю теплой воды? Жить одной, дозировать выходы в люди, захлопывать люк при первых признаках раздражения. Очень здравая стратегия.

Только теперь на коврике спит Пеппи. И каждый раз, когда я смотрю на нее, меня настигает один и тот же неприятный вопрос: если я так фатально ошиблась в собственном диагнозе по поводу собаки, сколько еще моих железобетонных выводов о самой себе просто пока не встретили своего джек-рассела?

От циничной теории зависимости я не отказываюсь. Поводок реален. Миска реальна. Зависимость очевидна. Я по-прежнему мысленно ухмыляюсь, когда слышу бредни про «безусловную любовь братьев меньших»: дайте вашей болонке ключи от квартиры и кредитку, посмотрим, на сколько минут ее хватит.

Просто раньше этой формулой я легко закрывала весь горизонт. А теперь она трещит по швам. Слово «фантомные» в заголовке мне нравится именно поэтому. Иногда я чувствую

не сами эмоции, а сквозняк в том пустом месте, где они обязаны были находиться по чертежу. Я знаю их габариты по чужим крикам, вижу их следы на песке, умею копировать походку. А потом случается что-то непредусмотренное, вроде виляющего хвоста в прихожей, и я уже не понимаю: там действительно мертвая пустота или датчики просто не умеют считывать сигнал?

Хотя, возможно, я опять занимаюсь литературой. Привязанность к одной маленькой собаке слишком шаткий фундамент для строительства мифа о внезапно прорастающей душе. Пять девчонок на дачном газоне доказали это с предельной наглядностью. Я могу хотеть людей рядом, могу собрать их под своей крышей и через пару часов ненавидеть сам звук чужого дыхания. Никакого чуда не произошло. Исцеление отменяется.

Зато исчезла спесивая уверенность. И на данном этапе мне этого вполне достаточно.

Когда меня спрашивают, откуда вообще взялась такая Ксения, я не могу выложить на стол две аккуратные стопки: вот это заводской брак ДНК, а вот это мне доломали по ходу пьесы.

Я помню только декорации. Помню лица. И помню, как день за днем училась сканировать пространство на предмет смертельной опасности, примеряя одну маску за другой.

Сегодня я могу повернуть щеколду в собственной московской квартире. Могу не пускать никого на порог. Могу на-

слаждаться абсолютной тишиной.

Когда-то такой опции не существовало в природе.

И чтобы понять, из какого именно железа собраны мои стоп-краны и зачем мне понадобились эти километры маскировочной сетки, придется вернуться назад. В ту самую пензенскую панельку, где мать на старом, бугристом диване, с жирными пятнами, давилась сигаретным дымом под монотонный бубнеж телевизора.

Там тоже была комната без света. Только у нее имелись железная дверь и тяжелый амбарный замок. Подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.